

Они еще не успели обогнуть поленницу, как с неба вдруг начали опускаться хлопья снега.

Сейчас как раз стоял рубеж между весной и летом — пора, когда ивовая тень гуще всего, а цветы цветут пышнее обычного. Погода становилась все теплее, но еще не успела сделаться жаркой, и даже если шел дождь, в нем сквозила удушливая, досадная нотка. Однако в этот миг внезапно пронесся ледяной сквозняк, принесший с собой легкие, парящие в воздухе частицы, которые закружились перед глазами Фэй Цзиня и Шао Цзюся.

Шао Цзюся протянул руку и поймал одну такую «снежинку» ладонью. Когда он раскрыл ее, цвет снега оказался темно-серым, к тому же от него отчетливо пахло гарью и дымом. Какое там падение снега — это были самые настоящие хлопья сгоревших жертвенных бумажных денег.

— Тсс, — Шао Цзюся, не подавая виду, отпустил эту щепотку пепла и знаками показал Фэй Цзиню молчать. Оба они ступали как можно тише и, укрывшись за стеной, осторожно высунули головы. Стоило им мельком взглянуть на происходящее, как они сильно изменились в лице.

За поленницей не было никакого примечательного пейзажа: повсюду буйно разрослись неухоженные сорные травы и дикий вьюн. В этом месте, где обычно не бывало ни души, сейчас стояли два человека.

Точнее говоря, на ногах стоял только один, а второго он держал за горло, подняв в воздух; тот тщетно содрогался в конвульсиях.

Неподалеку в траве стояла корзинка с бумажными деньгами, а рядом виднелась еще не прогоревшая до конца кучка пепла, в которую были воткнуты четыре палочки благовоний. Сизо-серый дым поднимался винтом вверх, но на полпути его рассеивал холодный ветер, подхватывая бумажную золу и заставляя ее кружиться в воздухе.

Точь-в-точь зимний снегопад.

Среди пепла один пожелтевший бумажный сверток был приметно больше остальных; он не походил на обычные бумажные деньги, а скорее напоминал свиток. Он уже сгорел больше чем наполовину, и непогасшие искры все еще усердно пожирали его остатки.

А женщиной, которую держали за шею на весу, оказалась Юнь Цинцин в растрепанных одеждах. Ее лицо побагровело и отекло, она уже не могла говорить и лишь издавала горлом прерывистые, тихие хрипы.

Даже в такой момент она не просила о пощаде и даже не смотрела прямо на своего палача. Вместо этого она изо всех сил косила взгляд в сторону догорающего пепла, и в ее глазах читались бесконечная скорбь и тоска.

Черный человек напротив полностью укутался во все черное, оставив открытыми лишь глаза, которыми он равнодушно взирал на девушку перед собой. Ему стоило лишь слегка приложить усилие в руке, чтобы немедленно оборвать жизнь Юнь Цинцин, однако он по какой-то причине не желал даровать ей быструю смерть. словно зверь, не натешившийся со своей добычей, он намеренно продлевал эти минуты мучений.

Но в делах мирских промедление чревато переменами.

Меч Беспутства покинул ножны, издав чистый звон, и устремился в стремительный выпад, окутанный вихрем красных одежд. Черный человек, очевидно, не ожидал появления посторонних; он на миг оторопел и лишь затем отбил удар, выхватив из-за пояса узкую изогнутую саблю. Ею он едва успел заблокировать нисходящий выпад Шао Цзюся, при этом второй рукой все еще не желая отпускать Юнь Цинцин.

Шао Цзюся ничуть не спешил. Отводя меч, он даже слегка улыбнулся противнику. Черный человек почуял неладное, но было уже поздно: из-под его подмышки вылетел топор и, обращенный лезвием вверх, метил прямо в руку.

Этот тип явно не обладал решимостью «отсечь себе запястье, как доблестный муж», поэтому он поспешно разжал пальцы и, крутанувшись на месте, в мгновение ока отбил саблей и меч, и топор. Вырвавшись из двойных тисков, он выставил саблю перед грудью, приняв красивую стойку.

Эти несколько его приемов были отточенными и выверенными, вот только в шагах сквозила легкая заминка — неизвестно, из-за того ли, что выпад Фэй Цзиня оказался слишком неожиданным.

Увидев, что дорогу ему перебежали именно Фэй Цзинь и Шао Цзюся, этот человек блеснул глазами, в которых отразилось странное выражение, и мельком глянул в сторону упавшей Юнь Цинцин. Похоже, он взвешивал, стоит ли продолжать схватку или лучше поскорее убраться прочь.

— Кхе-кхе-кхе... кхе-кхе... кхе-кхе-кхе! — спасаясь от гибели Юнь Цинцин всем телом повалилась на землю. Зажимая шею руками, она непрерывно кашляла, а в уголках ее глаз поблескивали слезы — то ли от боли, то ли от пережитого страха.

Шао Цзюся сделал несколько шагов и встал плечом к плечу с Фэй Цзинем, загораживая Юнь Цинцин. Повернувшись к черному человеку, он спросил:

— Кто вы такой, почтенный, что смеее бесчинствовать на территории секты Саньфэнью? — на самом деле, раз уж противник явился в ночном облачении, он явно не желал раскрывать свое истинное лицо. Шао Цзюся задал этот вздорный вопрос исключительно потому, что посчитал фразу забавной.

В этом чувствовался колорит мелкого приспешника из крупного клана.

Фэй Цзинь тем временем поспешно достал свой кристалл Яньцзин, поднес к глазам и принялся разглядывать черного человека, бормоча под нос:

— На женщину-призрака не похож.

Тот человек поначалу, заведя, как Фэй Цзинь лезет за пазуху, решил, что юноша собирается применить скрытое оружие, и приготовился к максимальной защите. Однако никакого скрытого оружия не последовало — в руках у парня оказался какой-то шар, с которым тот принялся вертеть так и сяк, совершенно не ставя противника ни в грош. На лице черного человека тут же проступил гнев.

Шао Цзюся прекрасно читал его мысли. Легким движением он описал мечом Беспутства дугу, беря Фэй Цзиня под защиту, и попутно с улыбкой произнес:

— Убивать среди дня прямо здесь... Позвольте мне угадать: уж не вы ли лишили жизни и

Бессмертную Светлой Луны?

Черный человек проигнорировал Шао Цзюся, все еще пребывая в нерешительности, но тут Фэй Цзинь, уставившись в одну точку через светящуюся жемчужину, озадаченно произнес:

— Ой, а ведь я уже видел эту саблю. Где же я ее видел?

Эти слова словно угодили в самое уязвимое место черного человека. Он яростно зыркнул на двоих спутников, развернулся и стремительно скрылся, прыгая по стенам и крышам.

Шао Цзюся при виде этого бросил: «Присмотри здесь за девой Юнь», — и поспешно устремился следом с мечом наперевес. Сделав пару поворотов, он исчез из виду. Фэй Цзинь почувствовал, что здесь что-то не так, но сразу не сообразил, в чем дело, и повернулся проверить, как там Юнь Цинцин.

Юнь Цинцин только что вернулась с порога подземного мира и все еще шумно, прерывисто дышала, как вдруг прямо к ее лицу приблизилась какая-то бусина, в которой виднелось увеличенное мужское лицо со свирепым и жутким выражением глаз. От испуга она едва не лишилась чувств, и у нее с языка сорвалось: «Спасите!». К счастью, голос ее осип, так что вышло негромко.

Фэй Цзинь же не понял, почему она кричит о спасении, и, решив, что это отголоски страха, поспешил утешить ее:

— Все в порядке, дева Юнь, того человека уже прогнали. Сяо Хун сейчас в погоне, возможно, поймает и приведет назад... Вау, а ведь через нее действительно отлично видно, так вот ты какая, оказывается.

«???» — лицо Юнь Цинцин выразило полное недоумение. Они ведь виделись не впервые, что значит «так вот ты какая»? Этот человек воистину какой-то несуразный. Однако он уже дважды спас ей жизнь, так что пусть себе чудит, можно и потерпеть.

Постойте, беда!

Юнь Цинцин словно внезапно вспомнила о чем-то важном. Она резко оттолкнула Фэй Цзиня и на четвереньках подползла к кучке пепла. Невзирая на тлеющие искры, она принялась разгребать золу своими нежными белыми руками, и лишь когда откопала половину обгоревшего свитка, облегченно выдохнула. Она изо всех сил прижала вещь к груди, и две слезинки без всякого предупреждения покатались по ее щекам.

Ее измазанные в золе и грязи руки слегка дрожали — то ли от боли, то ли от пережитого страха.

Фэй Цзинь почесал в затылке, подумав, что девичьи думы — вещь и впрямь загадочная. При такой смертельной опасности на глазах у нее лишь закипали слезы, а теперь, когда все обошлось, она разрыдалась вовсю. Он хотел было расспросить ее, но интуиция подсказывала, что Юнь Цинцин ничего ему не расскажет. Юноша подумал о том, когда же вернется Сяо Хун: тот куда лучше умеет разговаривать с женщинами.

И надо же, лёгок на помине, а он и явился. Стоило молодому герою Фэю подумать о нем, как со стороны спины послышались шаги. Шао Цзюся вернулся с весьма неопишным выражением лица; позади него было пусто — никакого черного человека он с собой не привел.

— Так быстро? — Фэй Цзинь поспешил ему навстречу, все еще не теряя надежды и оглядываясь по сторонам. Шао Цзюся со скрытым стыдом покосился назад и туманно процедил: — У этого человека неплохая техника легкости.

...Как было широко известно в Цзянху, Ночной демон Шао Цзюся был хорош абсолютно во всем, за исключением легкости. Она у него была плохой, исключительно плохой, неопишимо ужасной.

А поскольку мгновение назад, желая покрасоваться перед красавицей своим всемогуществом, великий мастер Шао напрочь забыл об этом прискорбном факте и вальяжно бросился в погоню, не прошло и мгновения, как он несолоно хлебавши вернулся назад. Ему пришлось сбивчиво объясняться:

— Я вижу, что он досконально знает здешнее расположение построек Саньфэнью и скрылся очень быстро. Возможно, это кто-то из самой секты.

— О, — простодушный Фэй Цзинь ни капли не усомнился в его словах и даже помог с доказательствами: — Мне тоже показалось, что его сабля выглядит очень знакомой.

Пока они переговаривались, между ними внезапно вклинился хриплый женский голос — тяжелый и леденящий:

— Это сабля почтенного Вана.

— Дева Юнь, ты не ошиблась?

— Я уверена, — к тому же во всем Саньфэнью только Ван Чаоши и использовал саблю. Притом его оружие отличалось от обычных широких сабель: оно было узким, тонким и изогнутым. Вместо боя на дистанции оно куда лучше подходило для ближней схватки, так что такую особенную вещь действительно трудно спутать.

Ван Чаоши. Опять Ван Чаоши.

Но если верить словам Фэй Цзиня, Ван Чаоши уже однажды нападал на Юнь Цинцин. Неужели она после этого так и осталась совершенно беспечной?

Шао Цзюся уставился на Юнь Цинцин:

— В таком случае, не могла бы дева Юнь поведать нам, что ты здесь делала только что, и знаешь ли ты, ради чего он пытался тебя убить?

«Эта женщина унесла вещь, зная что-то конкретное, или же наткнулась на нее по чистой случайности? Если она знала, то зачем подбивала нас расследовать дела Чу Вань и Чу И? А если не знала, зачем тогда взяла вещь из комнаты Чу Цзы?»

На самом деле Юнь Цинцин устроила здесь поминки по Чу Цзы.

Вообще-то после смерти Чу Цзы в Саньфэнью люди поминали ее каждый день, но большинство отправлялось в главный зал, чтобы сжечь бумагу и воскурить благовония. Тайком же жечь бумажные деньги в таком глухом и заброшенном месте — это выглядело довольно зловеще.

Однако Юнь Цинцин, очевидно, не собиралась объяснять причины. Взяв себя в руки, она даже задала Фэй Цзиню и Шао Цзюся встречный вопрос:

— А вы сами почему здесь? Удалось выяснить, кто убийца старшей сестры? Я видела, вы, кажется, даже не ходили к Чу Вань и ее дочери.

И снова она помянула Чу Вань и Чу И.

Шао Цзюсяо бросил на Юнь Цинцин многозначительный взгляд и не торопясь произнес:

— Раз уж дело дошло до этого, дева Юнь все еще полагает, будто это Чу Вань с дочерью извели Бессмертную Светлой Луны?

Юнь Цинцин затаила дыхание, лицо ее слегка осунулось. Она крепче прижала к себе обгоревший свиток, в ее глазах отразилось смутение, и она тихо пробормотала:

— Это невозможно... Если это он... Зачем ему убивать старшую сестру? Она ведь его родная...

— А если это не он, зачем тогда ему приходится убивать тебя? Дева Юнь, скажу прямо, ведь это уже не первый раз, когда он поднимает на тебя руку? Я слышал, ты взяла какую-то вещь, принадлежавшую Бессмертной Светлой Луны. Но даже если ты и взяла что-то, этот проступок не карается смертью — он вполне мог забрать ее обратно открыто и по закону.

Не успел он закончить фразу, как Юнь Цинцин резко перевела взгляд на Фэй Цзиня с крайне сложным выражением лица. Фэй Цзинь почесал голову:

— Ну... я лишь сказал, что дева Юнь одолжила кое-что у девы Чу. В этом ведь, наверное, нет ничего такого?

— Только это?

— А что еще? В тот день мы вроде бы больше ни о чем не говорили, — Юнь Цинцин все еще выглядела довольно недоверчиво. Она подсознательно опустила голову, взглянув на свиток в своих руках, и растерянно забормотала про себя: — И правда, я ведь взяла всего лишь яшмовую подвеску, зачем же ему тогда убивать меня... Неужели в этой подвеске кроется какая-то тайна?

Шао Цзюсяо улыбнулся. Он подошел к Юнь Цинцин и мягко произнес:

— Есть там тайна или нет, разве мы не узнаем, если достанем ее и посмотрим? Ты ведь хочешь найти убийцу Чу Цзы, а не просто свалить Чу Вань и Чу И, верно? Конечно, если ты считаешь этого человека убийцей, но не желаешь его разоблачать, мы не станем тебя неволить.

— Как это я не желаю! — услышав это, Юнь Цинцин округлила глаза, ее хорошенькое лицо покрылось изморозью. Она вытащила из-за пазухи изумрудно-зеленую яшмовую подвеску и подняла ее перед ними: — Вот она, та самая вещь, которую я... одолжила у старшей сестры.

Шао Цзюсяо, однако, нахмурился:

— Только яшмовая подвеска?

— Нет, тогда я «одолжила» её вместе с парчовой шкатулкой, но шкатулку я оставила у себя в комнате, — Юнь Цинцин не совсем понимала, почему он спрашивает об этом. Насколько она помнила, это была самая обыкновенная парчовая шкатулка.

Шао Цзюсяо тут же потянул Фэй Цзиня за руку:

— Плохо дело. Мы попались на его уловку с отводом глаз, нужно скорее спешить туда!

Увлекая за собой Фэй Цзиня, Шао Цзюсяо покинул пленницу и устремился на восток. Юнь Цинцин, прижимая к себе свиток, поколебалась мгновение, но тоже подобрала подол юбки и бросилась следом. Увидев удаляющиеся спины мужчин, она в панике закричала:

— Пойдите, великий мастер Шао, вы бежите не в ту сторону!

Ранее Шутин указала именно это направление, и Ночной демон, стремясь выиграть время, уже подлетел к дверям комнаты. Однако, услышав от хозяйки, что это вовсе не её жильё, он невольно выказал на лице удивление. Юнь Цинцин нагнала их и, нахмурившись, покачала головой, ничего не объясняя, а затем пошла впереди, уводя их на запад.

Лишь спустя изрядное количество времени она тихо произнесла:

— Не так давно в секту приняли много новичков. Старшая сестра, ведающая расселением учеников, заявила, что комнат на всех не хватает, и велела мне перебраться на самый западный край.

Жильё учеников первого цветка и без того было неказистым, а та комната на самом западном отшибе уступала даже пленнице. Кроме змей, букашек, крыс да муравьев, никто туда добровольно и близко не подходил. Но Юнь Цинцин по характеру не любила пререкаться: пока дело не касалось Чу Цзы, она и звука не издавала — велели переехать, она и переехала.

С другой стороны, даже пожелай она воспротивиться, за её спиной не стояло никакой влиятельной силы, да и собственные боевые навыки оставляли желать лучшего, так что на неё, скорее всего, просто никто бы не обратил внимания.

Шао Цзюсяо за долгие годы в Цзянху повидал немало подобных ухищрений, но сейчас его мысли потекли в ином русле, и он внезапно спросил:

— Дева Юнь, а те, кто стоят наверху, знают о том, что ты сменила комнату? — под «стоящими наверху», разумеется, подразумевались Чу Жун, Ван Чаоши и остальные.

Юнь Цинцин отвернулась:

— У главы секты и почтенного Ва... почтенного Ван Чаоши полно важных дел каждый день, им недосуг заниматься подобными мелочами.

И в самом деле: даже внутренние ученики в обычные дни получали наставления от главы секты лишь раз в десять дней, а всё остальное время упорно тренировались под началом мастеров шестого или пятого цветка. Высшее руководство, за исключением учеников с выдающимся талантом, пожалуй, едва ли помнило имена большинства из них, не говоря уже о заботах по поводу переселения в другую комнату.

В прошлом для Юнь Цинцин это, конечно, было поводом для горечи, но сегодня обернулось для них удачей. Шао Цзюсяо в душе приободрился и подмигнул Фэй Цзиню:

— Похоже, тот, кто приложил столько душевных сил, зашёл не в ту дверь, и все его труды пойдут прахом. Ему останется лишь черпать воду решетом: хоть вверх дном всё переверни, ничего не найдет.

Молодой герой Фэй почувствовал, что Шао Цзюсяо очень рад, и тоже расплылся в улыбке, поддакнув: «Угу». Однако спустя некоторое время он озадаченно спросил:

— Так что же мы всё-таки ищем? И кто убил воительницу Чу?

...Тут только молодой господин Шао вспомнил, что до этого он был слишком занят преподнесением подарков, а потом их бесцеремонно прервала ворвавшаяся Шудин, так что он, кажется, ещё не успел поделиться своими догадками.

И этот юноша, у которого в голове царил сущий сумбур, всё это время послушно бегал за ним кругами, то наряжаясь в женское платье, то ловя женщин-призраков? Шао Цзюсяо вдруг осознал, что характер у Фэй Цзиня, если сопоставить его с этой грозной аурой, был не просто хорошим, а на редкость покладистым.

...Кхм, точнее сказать, его было на редкость легко обвести вокруг пальца.

У Шао Цзюсяо внезапно возникло некое чувство вины за то, что он умыкает столь простодушного юношу.

Как раз в этот момент они дошли до жилища Юнь Цинцин. Пока она ходила внутрь за парчовой шкатулкой, он коротко и ясно изложил Фэй Цзиню свои выводы. Фэй Цзинь изумленно выдохнул:

— Старший Ван? Но почему? Разве воительница Чу Цзы — не его дочь?

Да, почему? Сейчас единственное, чего Шао Цзюсяо никак не мог понять, это мотивы Ван Чаоши.

Впрочем, куда лучше сначала раздобыть улики, а уже потом докапываться до мотивов, нежели метаться повсюду подобно слепой мухе. В крайнем случае, он передаст доказательства Чу Жун, а уж у неё, если ей хватит решимости, найдутся способы развязать Ван Чаоши язык.

Пока они разговаривали, Юнь Цинцин снова открыла дверь. Женщины — поистине удивительные создания: за столь короткое время она не только привела себя в порядок, но даже переделась в чистое платье. Разумеется, обгоревший свиток, который она берегла сильнее жизни, тоже исчез — надо полагать, она надёжно припрятала его.

В руках она несла небольшую парчовую шкатулку. Шао Цзюсяо поспешно принял её и открыл. Поскольку яшмовую подвеску Юнь Цинцин уже повесила на себя, внутри сейчас было совершенно пусто. Он согнул палец и постучал по дну шкатулки; как и следовало ожидать, раздалось несколько слегка глухих, пустотелых звуков, подтверждавших, что эта маленькая вещица действительно скрывает в себе двойное дно.

Фэй Цзинь тоже вытянул голову, заглядывая внутрь, и спросил:

— От этой коробочки не пахнет тем резким ароматом.

По логике вещей, если бы внутри находились те самые низкосортные благовония, сильный запах должен был чувствоваться издалека.

— Откроем и посмотрим, тогда и узнаем, — решительно подвёл итог Шао Цзюсяо и принялся на ощупь искать потайной механизм. В этот самый миг с восточной стороны, совсем неподалеку, раздался пронзительный женский крик. Какая-то девушка вопила:

— Эй, люди! Что здесь происходит?! Какая дрянь устроила в моей комнате такой погром?!

Очевидно, та самая несчастная ученица, в чью обитель по ошибке ворвался незванный гость, вернулась и обнаружила неладное. В тот момент у черного человека из-за уловки с отводом глаз время поджимало, и у него явно не было возможности после тщательного обыска расставлять вещи по местам. К тому же, не найдя желанного предмета, он, вполне вероятно, пришёл в ярость и принялся крушить всё вокруг.

Сейчас, даже не приближаясь туда, можно было легко вообразить, в какое плачевное зрелище превратились девичьи покои этой бедняжки — должно быть, там всё выглядело так, словно совершила набег саранча.

Вот только наши герои не собирались вмешиваться, однако разгневанная ученица, выкрикнув пару фраз, вдруг яростно направилась в их сторону, непрерывно сыпая ругательствами под нос:

— Юнь Цинцин, ах ты мелкая дрянь! Стоило сменить комнату, как ты тут же принялась пакостить, уж я-то с тобой разделаюсь!

У Шао Цзюсяо и его спутников сейчас не было времени препираться с ней, поэтому все трое немедленно зашли в дом, заперли дверь на засов и продолжили изучать парчовую шкатулку.

Эта ученица, судя по всему, обладала весьма вспыльчивым нравом. Увидев, что двери у Юнь Цинцин наглухо закрыты, она принялась неистово колотить в них кулаками, выкрикивая ругательства:

— Юнь Цинцин! Юнь Цинцин! Хватило же у тебя наглости ворваться в мою комнату и испортить мои вещи, так имей же наглость открыть дверь! Нечего прятаться там и помалкивать, я знаю, что ты внутри! — за этим последовала ещё целая вереница непечатных слов.

Юнь Цинцин сидела, опустив голову, и было неясно, витает ли она мыслями где-то далеко или просто слышит всё, но не желает отвечать. Фэй Цзинь, видя, что Шао Цзюсяо сосредоточенно изучает шкатулку, сам бесшумно выскользнул через окно, обогнул дом и зашёл к беснующейся ученице со спины. Он легонько похлопал её по плечу:

— Воительница, а у вас приметно громкий голосок.

Поскольку эта девушка была из числа новоприбывших, её боевые навыки, естественно, были самыми заурядными — разве что чуть-чуть лучше, чем у Юнь Цинцин. Она и понятия не имела, что у неё за спиной как из-под земли возникнет человек, и от испуга едва не подпрыгнула на месте; дыхание у неё перехватило, и она чуть было не задохнулась.

Кое-как восстановив дыхание, она обернулась и столкнулась нос к носу с Фэй Цзинем.

С лицом Фэй Цзиня, строго говоря, всё было в полном порядке: правильные черты, здоровый цвет кожи, а в совокупности он и вовсе выглядел весьма красивым. Но... когда он молчал, выражение его глаз и весь его вид казались немного свирепыми.

Ладно, не немного, а по-настоящему пугающе.

От природы он обладал некой леденящей, карающей аурой, словно безжалостный убийца, живущий по принципу «пусть лучше я предам весь мир, чем мир предаст меня». Именно

поэтому, когда он только спустился с гор, люди при виде него бросались наутёк, цветы увядали, а хозяева трактиров поспешно доставали кошельки.

Одним словом, когда он молчал, от него веяло жутью.

Столкнувшись с Фэй Цзинем на таком близком расстоянии, ученица внезапно закатила глаза и с глухим стуком повалилась на землю без чувств. С этого момента и внутри комнаты, и снаружи воцарился идеальный покой.

Впоследствии среди учеников первого цветка в этих краях поползли упорные слухи о призраке. Рассказывали во всех красках, будто это был мужчина-призрак, только что выбравшийся из восемнадцатого круга преисподней, неописуемо свирепый и жуткий, а глаза у него были огромными, точь-в-точь как медные колокольчики.

Впрочем, всё это дела грядущие, и здесь мы их опустим.

Тем временем Шао Цзюсяо после долгих поисков наконец обнаружил, что секрет механизма этой парчовой шкатулки заключался в том... что никакого механизма не было. Видит небо, это была самая обычная двухъярусная шкатулка: стоило лишь вынуть верхнее отделение, как взору открывалось внутреннее скрытое пространство.

На нижнем ярусе лежал крошечный яшмово-зеленый фарфоровый флакон. Он осторожно извлёк пробку, и тот самый знакомый запах скверных благовоний тут же ударил ему в нос. Неудивительно, что, держа в руках просто шкатулку, они ничего не почувствовали: фарфоровый флакон — это не мешочек для ароматных трав, он совершенно не пропускал воздух.

Если это спрятала Чу Цзы, то было очевидно, что она всем сердцем дорожила благовониями, подаренными отцом. Чтобы они не выдохлись, когда ими не пользуются, она бережно перелила их в фарфоровый флакон и хранила вместе с яшмовой подвеской.

Юнь Цинцин, увидев, что в парчовой шкатулке таилось подобное, испытала глубокое удивление. Вспомнив, с каким выражением лица Ван Чаоши ранее принуждал её выдать унесённые вещи, она подумала: неужели тот человек беспокоился вовсе не из-за подвески, а из-за этого флакона с благовониями?

Она не удержалась и тихо спросила:

— Эту парфюмерную эссенцию старшая сестра использовала постоянно. Неужели с ней что-то не так?

— Есть ли с ней проблемы, мы поймем, едва испытаем её, — в этот момент Шао Цзюсяо оставалось лишь пожалеть, что его противоядная жемчужина осталась в другом месте. Если в благовония действительно подмешали тот самый яд, которым отравили Чу Цзы, то простая серебряная игла здесь, пожалуй, тоже окажется бессильна.

Или, может, ему стоит прямо сейчас вынести её и что-нибудь придумать?

Шао Цзюсяо повернулся к Фэй Цзиню, собираясь что-то сказать, как вдруг из-за двери снова донёлся странный гул.

На этот раз это были не крики в духе «отпирай дверь», а резкий, пронзительный звон какого-то музыкального инструмента. Он лился непрерывно, волна за волной, так что от него начинали

болеть уши и мутиться разум.

— Кто это? На нас напали враги? — первой реакцией Ночного демона было предположение, что к Саньфэньу явились старые враги свести счёты, и он уже лихорадочно соображал, кто в Цзянху практикует техники звуковых волн. Однако Юнь Цинцин, зажав уши руками, побледнела как полотно и в полном смятении выдохнула: — Плохо дело, стряслась великая беда.

Они впервые видели её в таком паническом ужасе. Прежде, когда её притесняли соученики или когда её держали за горло на волосок от гибели, она ни разу не выказывала подобной растерянности. Это поневоле заставляло заподозрить, что произошло нечто куда более страшное, чем визит заклятых врагов.

Пронзительный звон продолжал греметь, оглашая всё небо над Саньфэньу. Вскоре снаружи один за другим стали раздаваться многоголосые крики: похоже, всех обитателей секты созывали наружу, и они, шумя и переговариваясь, спешно бежали куда-то.

Фэй Цзинь, видя, что ничтожной внутренней силы Юнь Цинцин совершенно не хватает, чтобы противостоять этой демонической музыке, поспешно подхватил её и попутно влил в неё порцию своей энергии, заботливо осведомившись, не стало ли деве Юнь полегче.

Шао Цзюсяо, заметив это, каким-то безрассудным образом тоже придвинулся ближе и весьма притворно запричитал:

— Молодой воин Фэй, у меня тоже голова раскалывается! — после чего, как и желал, удостоился от Фэй Цзиня и порции внутренней силы, и заботливого взгляда.

Почувствовав, как чужая энергия струится по его меридианам, проникая во все кости и жилы, Шао Цзюсяо, однако, слегка нахмурился. Подобный уникальный способ циркуляции внутренней силы в нынешних боевых искусствах Срединной равнины, пожалуй, не использовал никто.

Происхождение этого красавца окутывалось всё более глубокой тайной.

Впрочем, довольно скоро Юнь Цинцин, преодолевая слабость, прервала его размышления. С трудом дыша, она произнесла:

— Это общий сбор секты, такой сигнал раздаётся лишь в случае чрезвычайных происшествий. Нам нужно немедленно идти в главный зал, боюсь, случилось что-то ужасное.

Услышав это, Шао Цзюсяо с колебанием посмотрел на флакон с благовониями: у них ещё не было доказательств того, что внутри яд, но... времени не оставалось. Он убрал фарфоровый флакон обратно в парчовую шкатулку, спрятал её и вместе с Фэй Цзинем поспешил сопроводить Юнь Цинцин в главный зал.

В главном зале Саньфэньу в этот момент уже было не протолкнуться от наводнивших его людей. Глава секты Чу Жун восседала высоко на своём судейском кресле с леденящим и суровым лицом. Ван Чаоши стоял подле неё, низко опустив голову, так что выражения его лица было не разглядеть.

А у подножия кресла супружеской четы, помимо гроба с телом Чу Цзы, находились ещё два человека, связанные по рукам и ногам. Оба они стояли на коленях перед залом, касаясь лбом пола.

Это были Чу Вань и Чу И.

Появление Фэй Цзиня, Шао Цзюсяо и Юнь Цинцин не привлекло внимания толпы. Лишь Чу Жун слегка нахмурила брови; её взгляд скользнул по двум единственным чужакам в зале, и она о чём-то задумалась.

Спустя долгое время она наконец заговорила:

— Все ли внутренние ученики собрались?

Одна из мастериц шестого цветка выступила вперёд, чтобы свериться со списком, и тихо ответила:

— За исключением ученицы первого цветка по имени Биян, все остальные присутствуют здесь, — она сделала паузу и следом спросила: — Нужно ли послать людей, чтобы привести Биян?

— Не стоит, это всего лишь ученица первого цветка. Заприте двери главного зала.

Вслед за прозвучавшим голосом Чу Жун, в котором сквозила затаенная ярость, двери главного зала Саньфэньу с грохотом захлопнулись. Помещение вмиг оказалось отрезанным от уличного солнечного света, и теперь в нем лишь мигали да вспыхивали по всему залу поминальные свечи. Их пламя отбрасывало силуэты так, что каждый стоял в тени соседа, и лица людей постепенно становились размытыми и неразличимыми.

Тревожная атмосфера начала стремительно распространяться среди учеников.

Шао Цзюсяо скосил глаза на Юнь Цинцин. Та поняла его без слов и шепнула:

— Биян— это та самая новоприбывшая ученица, которая поменялась со мной комнатами, — то есть та самая несчастная девушка, которая недавно неистово колотила в дверь, а затем упала без чувств, перепуганная Фэй Цзинем.

Впрочем, глядя на то, какое грозное представление разворачивали сейчас глава Чу Жун со своим супругом, трудно было сказать однозначно: то, что Биян осталась в стороне, было для нее несчастьем или же великой удачей.

В этот момент Ван Чаоши, прежде безмолвно стоявший с опущенной головой, вдруг вскинул лицо, молниеносно зыркнул на Шао Цзюсяо и Фэй Цзиня, после чего склонился к уху Чу Жун и принялся что-то бормотать. Однако Чу Жун вовсе не собиралась шушукаться с ним и ответила совершенно открыто, во всеуслышание:

— Не стоит. Раз уж до этого дело Сяо Цзы уже было поручено великому мастеру Шао и молодому герою Фэю, они вполне могут присутствовать здесь и слушать.

Ван Чаоши оставалось лишь смириться. Тайком он сверлил двоих спутников свирепым взглядом, и вид у него был такой, словно он готов сожрать их живьем. Шао Цзюсяо вздернул бровь, подумав: «Надо же, этот тип что, надеется испепелить нас одним взглядом? Не слишком ли он заносчив?»

Поэтому он слегка улыбнулся и намеренно раскрыл ладонь, явив из-под нее краешек маленького фарфорового флакона.

Стоило стоявшему на возвышении мужчине увидеть этот предмет, как уголки его рта

принялись подергиваться, лицо сделалось землисто-серым, а пальцы с такой силой впились в подлокотник кресла, будто он ломал не дерево, а кости самого Шао Цзюся. Он был разгневан до глубины души.

Однако Шао Цзюся при виде этого засомневался.

«Разгневан? Что-то здесь не так...»

Заметив эту вещь, Ван Чаоши по логике должен был выказать испуг, недоумение или душевное смятение, но почему он в ярости? Почуввав неладное, Шао Цзюся повернул голову и посмотрел на Фэй Цзиня. Тот, однако, увлеченно вертел в руках свой кристалл Яньцзин, рассматривая ее и так и сяк, и ни капли не тревожился из-за гнетущей атмосферы приближающейся бури, которая заволакивала весь зал.

Ночному демону ничего не оставалось, кроме как отвести взгляд. Не успел он поразмыслить над этим дальше, как долго молчавшая глава Чу Жун наконец разомкнула уста:

— Я созвала всех вас сегодня потому, что убийца моей дочери наконец явил свое истинное лицо. И это не кто иная, как моя дорогая младшая сестра Чу Вань. Что ты скажешь в свое оправдание? — она слегка повела рукой, и ученики из палаты наказаний шагнули вперед, вытащив кляп изо рта Чу Вань, и холодно уставились на нее.

Чу Вань была связана по рукам и ногам, к тому же ее долго удерживали прижатой к полу, отчего волосы ее давно растрепались, а три декоративных цветка на прическе опали. Оказавшись на свободе, она не сдержалась и зашлась в яростном кашле. Пронзительные, надрывные хрипы эхом разносились по всему главному залу, словно она собиралась выплюнуть вместе с мокротой сердце, селезенку и легкие.

Рядом с ней точно так же связанная и с заткнутым ртом Чу И непрерывно содрогалась всем телом, качаясь из стороны в сторону и издавая прерывистое мычание, однако никто не понимал, что именно она пытается сказать.

Чу Вань кашляла долго, прежде чем прийти в себя. Едва отдышавшись, она разразилась леденящим душу хохотом, от которого по коже пробежали мурашки:

— Дорогая младшая сестра? Ну конечно, какая же я еще, как не дорогая сестра! Моя почтенная старшая сестрица, ты ведь, наверное, еще много лет назад спала и видела, как бы избавиться от меня — как от занозы в глазу, как от шипа в плоти? Пока матушка была жива, ты не смела, а когда матушка ушла, тебе было не с руки ворошить дела давно минувших дней. Но сегодня — надо же, какая удача! — тебе наконец представился случай вылить на меня ушат помоев с полным на то основанием. Ты утверждаешь, что я убила твою драгоценную дочь? Где твои улики?

Перед лицом этих бьющих в самое сердце обвинений Чу Вань лицо Чу Жун ни на йоту не дрогнуло. Сохраняя всё то же суровое и леденящее выражение, она повелела слугам поднести чашу с чаем и обратилась к Чу Вань:

— Вот это ты сегодня на рассвете лично принесла и поставила передо мной. Помнишь?

Едва Чу Вань увидела эту чайную чашу, лицо ее мгновенно сделалось белым как полотно, и у нее с языка сорвалось:

— Почему ты его не выпила?! — едва фраза сорвалась с губ, она поняла, что выдала себя, и

губы ее задрожали в непрерывной судороге.

Глава секты Саньфэньу взирала на нее с высоты своего судейского кресла, бесстрастно глядя на жалкую женщину средних лет, и в ее голосе сквозило бездонное разочарование:

— Почему я не выпила? Ты ведь своими глазами видела, как я сделала глоток, не так ли? Прости, Чу Вань, но начиная с той самой чаши снадобья для сохранения плода, что ты поднесла мне много лет назад, я вообще не прикасаюсь ни к чему, что прошло через твои руки.

— Невозможно, невозможно! Я же сама видела, как ты ела и пила, почему же ничего не произошло, почему?! — ее голос из тихого бормотания становился все громче и громче, пока под конец не превратился в истошный, истерический визг.

Тогда, после истории со снадобьем для сохранения плода, Чу Вань так и не удалось сжить со свету еще не родившееся дитя, власть снова вернулась в руки ее родной сестры, а сама она оказалась пойманной на горячем.

Ради того, чтобы выжить, она все эти годы, позабыв о стыде и гордости, всю заискивала перед Чу Жун: закатывала истерики, ползала в ногах, вымаливая прощение, растоптала собственное достоинство и лишилась всего, лишь бы только ублажить эту женщину. Она забросила собственную семью, помогая ей заправлять всевозможными делами в секте, и в итоге, оказывается, так и не заслужила ни капли доверия?

Выходит, то, что Чу Жун в последние годы опиралась на нее, часто поручая ей с дочерью ведение дел в Саньфэньу и демонстрируя полное, безоглядное попустительство, — все это было лишь притворством?

Как такое возможно!

Видя, что лицо младшей сестры становится все блее, глава Чу Жун взяла чашу с чаем и поставила ее на столик у локтя:

— А теперь говори мне, какой именно яд ты туда подмешала.

Услышав это, Чу Вань внезапно притихла. Ее глаза воровато забегали, и она вдруг расплылась в улыбке, исполненной абсолютного простодушия. Ей было уже за сорок, и хотя она хорошо ухаживала за собой, бывшая миловидность давно сошла на нет, однако эта улыбка поневоле придала ей сходство с юной девушкой:

— Старшая сестра, не хочешь пить — так не пей, зачем же говорить, будто я подмешала яд? Это ведь не более чем знак заботы со стороны твоей младшей сестры. И потом, если ты подозреваешь меня, то подозревай на здоровье, к чему было вязать еще и И-эр? Она ведь всего лишь неразумная молодая девушка.

Однако Чу Жун проигнорировала ее слова и, ничуть не удивившись столь странной метаморфозе в ее поведении, гулким голосом произнесла:

— Похоже, ты не укротишь гордыню, пока не окажешься у края могилы.

Раздался легкий звон: глава Чу Жун приподняла крышечку с пиалы, которую поднесла ей Чу Вань, внезапно уколола собственный палец и выдавила каплю крови прямо в чашу.

Никто в зале не понимал значения этого жеста, люди один за другим вытягивали шеи, силясь

разглядеть происходящее. Однако лучше и отчетливее всех — вопреки своему слабому зрению — сейчас все видел Фэй Цзинь через кристалл Яньцзин:

— Ой, госпожа глава, а почему у вас кровь без цвета?

Из пальца Чу Жун все еще слабо сочилась кровь — самого обыкновенного, густо-красного цвета. Однако та капля, что упала в чайную чашу, дважды качнулась и бесследно растворилась: чайный настой по-прежнему оставался чистым и изумрудно-зеленым, источая тонкий, пленительный аромат, свойственный лишь изысканным сортам чая.

При виде этого Чу Вань уставилась на Чу Жун так, словно увидела выходца с того света:

— Ты! Как ты... Нет, я хочу сказать, что в том, что капля крови растворилась и стала невидимой, нет ничего удивительного, и не думай меня дурачить!

Чу Жун осталась непоколебима:

— У кого с собой есть косметика?

В том, что среди учеников было много девушек, крылось очевидное преимущество: довольно скоро перед ней предстало несколько флакончиков с румянами — тут были и ярко-красные, и пунцовые, и розовые, и персиковые. Чу Жун на глазах у всех зачерпнула понемногу от каждого вида и высыпала прямо в чай. И снова настой остался свежим, ароматным и зеленым, в нем не появилось ни единого постороннего оттенка или запаха.

К этому моменту лишь круглый дурак не догадался бы, что с этим чаем творится что-то неладное.

Чу Вань, очевидно, затряслась от крайнего ужаса, ее губы шевелились, но она не могла сказать ни слова. Глава Чу Жун холодно усмехнулась:

— Ты полагала, что раз этот яд лишен цвета и запаха, и его не способны выявить даже драгоценные средства для распознавания отравы, то можно спать спокойно? Излишняя потайная суть — это и его достоинство, и его же слабость. О том, какие ветры дуют в Цзянху, известно далеко не тебе одной!

Шао Цзюсяо долго слушал эти препирательства и невольно снова перевел взгляд на Ван Чаоши. Раз уж очная ставка между Чу Жун и Чу Вань дала столь неопровержимые улики, неужели это и впрямь Чу Вань отравила Чу Цзы? Но что тогда творилось с Ван Чаоши? Неужели его собственные выводы оказались ошибочными?

Если вспомнить, в том, что он заподозрил Ван Чаоши, была немалая заслуга Чу И, которая в свое время забралась к нему в постель. Или же эти мать с дочерью попросту переводили стрелки на другого?

Однако сегодня они с Фэй Цзинем скрестили оружие с тем самым черным человеком, который пытался убить Юнь Цинцин. Боевые навыки того противника были весьма высоки, это определенно не уровень Чу Вань с ее тремя цветками. Да и Чу И достигла всего лишь четырех цветков, в то время как черный человек сумел непринужденно вырваться из двойных тисков его и Фэй Цзиня.

Конечно, тут сыграло роль и то, что они с Фэй Цзинем не горели желанием ввязываться в затяжной бой, а противник досконально знал местность в Саньфэнью, — и все же он мог с

уверенностью утверждать: тем черным человеком была не Чу Вань и не Чу И.

Должно быть, из-за волнения, вызванного историей с отравлением, лицо главы секты выглядело неважно. Она отодвинула чашу с отравленным чаем и откинулась на спинку кресла. Ван Чаоши, заметив это, поспешно принес ей пиалу со свежим чаем и убрал руку лишь после того, как внимательно проследил, чтобы Чу Жун сделала пару глотков.

Чу Жун прикрыла глаза, а затем устремила взор на сестру:

— Говори.

На этой стадии отпираться уже не имело смысла. Лицо Чу Вань беспрестанно меняло цвет, то краснело, то бледнело, то чернело от злости, и под конец она разразилась громовым хохотом:

— Да, я лично поднесла тебе эту чашу чая, это я признаю! Но кто сказал, будто я убила Чу Цзы?! Я всего лишь увидела, что Чу Цзы мертва, а у тебя все равно нет душевных сил заправлять делами в Саньфэньу, вот и поднесла тебе чаю из лучших побуждений! К тому же ты из него не отпила, так что за мной нет великой вины. И не думай вешать на меня еще и убийство Чу Цзы — без улик и свидетелей даже судья в управе не посмеет вынести такой приговор!

— Оу, вот как? — в голосе главы Саньфэньу послышалась глубокая, беспредельная усталость. Она небрежно хлопнула в ладоши, и с потолочной балки, которая до этого казалась совершенно пустой, внезапно спрыгнули двое. В отличие от остальных учеников Саньфэньу, носивших розовые одеяния, эти двое были облачены в темно-фиолетовые облегающие костюмы и выглядели весьма собранно. Их техника легкости была превосходной — они спустились без единого звука.

— Расскажите то, что вы оба видели в тот день.

— Подчиненные по приказу несли стражу у ворот обители старшей госпожи. В ночь, когда случилась беда, мы видели, как дева Чу И поднесла старшей госпоже чашу чая и блюдо с пирожными.

Чу Вань словно громом поразило. Лишь спустя изрядное время она бессвязно произнесла:

— Э-это... кто это такие? Почему я их никогда не видела?

— Тайная стража главы секты. Разумеется, ты их не видела.

— Невозможно! Матушка в деталях передала мне все сведения о Саньфэньу, я никогда не слышала ни о какой тайной страже главы! — и в самом деле, знай она о них, она бы наверняка изыскала способ обойти их и не стала бы действовать столь опрометчиво.

На губах главы Чу Жун появилась легкая, исполненная сарказма усмешка:

— Матушка, конечно, благоволила тебе, но об этом она точно не могла тебе рассказать. По той простой причине, что должность тайной стражи учредила я сама, — раз уж именно она заняла место главы секты, как могла она не обзавестись хотя бы одной собственной фигурой на этой доске?

Теперь улики стали поистине неопровержимыми, а дело — проигранным.

Чу Вань застыла на полу, все еще пытаясь препираться:

— Они — твои люди, так что они, естественно, скажут все, что ты им велишь! Это ничего не доказывает... Нет, нет, И-эр ничего не знала, она ничего не носила твоей драгоценной дочурке!

Она без конца бормотала что-то, как вдруг ее осенило:

— Не так! Раз уж ты приставила этих двоих охранять ту девчонку, как могла ты позволить ей съесть то, что принесла моя дочь?! Я не верю! Вы наверняка все вылили, вылили!

Голос Чу Жун оставался ледящим:

— Запишите: она признала факт подношения.

Ван Чаоши нажал ладонью на плечо супруги:

— Улики неопровержимы. Я хочу, чтобы вы отправились в могилу вслед за ней! — с этими словами он уже вознамерился пустить в ход силу.

Кто бы мог подумать, что на глазах у всей толпы в зале внезапно произойдет резкая перемена.

Чу И, которая все это время оставалась связанной и с кляпом во рту, неизвестным образом ухитрилась высвободиться из веревок. Совершенно неожиданно для всех она рванулась вперед. Когда глава секты выставила руку, чтобы заблокировать удар, Чу И резко сменила цель,хватила ту самую чашу с отравленным чаем, запрокинула голову и осушила ее одним глотком.

При виде этого Чу Вань испустила истошный, безумный вопль и на коленях поползла к ней, сиюсь остановить дочь. Однако Чу И действовала молниеносно и успела выпить большую часть пиалы. Прошло совсем немного времени, как она без сил повалилась на пол, извиваясь и оглашая зал мучительными стонами.

Никто не ожидал, что действие этого яда окажется столь мучительным. Лицо Чу И, прежде отличавшееся правильными чертами, теперь полностью исказилось, на лбу выступили крупные капли пота, а кожа пошла красными и белыми пятнами. Она извивалась на полу, словно умирающее насекомое.

Лица Чу Жун и Ван Чаоши оставались мрачными. И тут Чу И, обхватив руками живот, сквозь мучительные стоны прерывисто выдавила фразу:

— Кузина... она... уходила далеко не в таких... кхе-кхе... а-а-а... му-у-чениях, — договорив, она еще и издала несколько горьких смешков.

И впрямь: смерть Бессмертной Светлой Луны Чу Цзы была мирной и безмятежной, словно она безболезненно скончалась во сне, в ней не было и капли этого кошмарного, душераздирающего зрелища.